

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-79-88>



ДОПРОС ОПЕРАТИВНОГО СОТРУДНИКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА

Семенцов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А. Допрос оперативного сотрудника по законодательству России и Таджикистана. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):79–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-79-88>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 268-59-64
E-mail: crimpro@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Статья принята к печати: 30.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: В статье изложены результаты сравнительно-правового исследования уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан в части, регулирующей основание, возможность и правила производства допроса в качестве свидетеля оперативного сотрудника и иных лиц, осуществляющих свою деятельность на конфиденциальной основе. Интерес к результатам данного сопоставления обусловлен принципиально различным подходом российского и таджикского законодателя к определению возможности производства указанного следственного действия, когда оперативно-розыскной закон Республики Таджикистан устанавливает такую возможность, в отличие от соответствующего закона Российской Федерации. Сама по себе возможность такого допроса актуализирует целый ряд проблем, связанных как с процессуальным статусом допрашиваемого, так и с порядком его допроса. Не менее существенно и то обстоятельство, что допрос, возможно, не единственное следственное и иное процессуальное действие, в которое допустимо вовлекать оперативного сотрудника и лиц, сотрудничающих с ним.

Обосновывается, что дозволение законодателя Таджикистан на допрос оперативного сотрудника вызывает необходимость дальнейшего совершенствования специальных правил как допроса, так и производства иных следственных и процессуальных действий в отношении указанных лиц, вплоть до придания всему уголовному делу или его части режима секретности.

Цель исследования – формулирование и обоснование значимости проблемы допроса оперативного сотрудника и лиц, сотрудничающих с ним на конфиденциальной основе, для поиска оптимальных путей ее решения, а также определения осознанного и ответственного подхода к засекречиванию материалов уголовного дела при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности.

Задачи исследования – проведение сравнительно-правового анализа оперативно-розыскного и уголовного-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан для определения сходства и различия правового регулирования допроса оперативного сотрудника; формирование авторской позиции по вопросу о допустимости допроса оперативного сотрудника в качестве свидетеля; определение перспективных направлений совершенствования специальных правил допроса, производства иных следственных и процессуальных действий в отношении

оперативных сотрудников, агентов, негласных сотрудников, других лиц, осуществляющих свою деятельность на конфиденциальной основе.

Методы исследования: диалектический, общенаучные методы (логический, системный, структурный, функциональный, обобщение и др.), специальные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический).

Результаты проведенного исследования – сформулировано авторское видение проблемы, обусловленной отсутствием каких-либо формальных правил допроса, производства иных следственных и процессуальных действий в отношении оперативных сотрудников, агентов, негласных сотрудников, других лиц, осуществляющих свою деятельность на конфиденциальной основе, а также законодательно определенных оснований для применения (при необходимости) процедуры засекречивания материалов уголовных дел.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативный сотрудник, уголовное дело, допрос, специальные правила, режим секретности.

INTERROGATION OF AN OPERATIONAL OFFICER ACCORDING TO THE LEGISLATION OF RUSSIA AND TAJIKISTAN

Vladimir A. Sementsov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A. Interrogation of an operational officer on the legislation of Russia and Tajikistan. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):79–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-79-88>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, honored lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 03.09.2024

The article has been accepted for publication: 30.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The article presents the results of a comparative legal study of the criminal procedure and operational investigative legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in terms of regulating the basis, possibility and rules for conducting interrogation as a witness of an operational officer and other persons carrying out their activities on a confidential basis. The interest in the results of this comparison is due to the fundamentally different approach of the Russian and Tajik legislators to determining the possibility of carrying out the specified investigative action, when the operational investigative law of the Republic of Tajikistan establishes such a possibility, unlike the corresponding law of the Russian Federation. By itself, the possibility of such an interrogation actualizes a number of problems related to both the procedural status of the interrogated person and the order of his interrogation. Equally significant is the fact that interrogation may not be the only investigative and other procedural action in which it is permissible to involve an operational officer and persons cooperating with him.

It is substantiated that the permission of the legislator of Tajikistan to interrogate an operative officer necessitates further improvement of special rules for both interrogation and the production of other investigative and procedural actions against these persons, up to giving the entire criminal case or part of it a secrecy regime.

The *purpose* of the study is to formulate and substantiate the importance of the problem of interrogating an operational officer and persons cooperating with him on a confidential basis in order to find

optimal ways to solve it, as well as to determine a conscious and responsible approach to classifying criminal case materials when presenting the results of operational investigative activities.

The *objectives* of the study are to conduct a comparative legal analysis of the operational investigative and criminal procedural legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan to determine the similarities and differences in the legal regulation of the interrogation of an operational officer; to form an author's position on the admissibility of the interrogation of an operational officer as a witness; to identify promising areas for improving special rules of interrogation, production of other investigative and procedural actions in relation to operational staff, agents, secret employees, and other persons who carry out their activities on a confidential basis.

Research *methods*: dialectical, general scientific methods (logical, systemic, structural, functional, generalization, etc), special methods (comparative legal, formal legal).

The *results* of the conducted research – the author's vision of the problem is formulated, due to the absence of any formal rules of interrogation, production of other investigative and procedural actions against operational staff, agents, secret employees, other persons carrying out their activities on a confidential basis, as well as legally defined grounds for applying (if necessary) the procedure for classifying criminal case materials.

Keywords: operational investigative activity, operative officer, criminal case, interrogation, special rules, secrecy regime.

Введение

Результаты оперативно-розыскной деятельности, отраженные в оперативно-служебных документах, могут содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Эти сведения, после их надлежащего представления, должны быть проверены и процессуально закреплены в материалах уголовного дела. И здесь необходимо учитывать, что сведения, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, т.е. вне уголовно-процессуальных условий и гарантий, не обладают той степенью достоверности, которую обеспечивает процессуальный порядок их собирания и проверки.

Именно поэтому такие сведения подлежат особо тщательной проверке на предмет их относимости, допустимости и достоверности, поскольку только при соблюдении этих требований они могут быть использованы в уголовно-процессуальном доказывании и даже быть приравненными к доказательствам, при соблюдении определенных условий [6, с. 116].

В связи с этим актуализируется вопрос об особенностях допроса оперативного сотрудника об обстоятельствах проведения оперативно-розыскных мероприятий для проверки их законности и обоснованности, а также последующего использования полученных сведений в доказывании. В рамках данного исследования предлагается провести сравнительно-правовой анализ предписаний оперативно-розыскного и уголовного-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан об особенностях допроса оперативного сотрудника.

Методы исследования

Методология исследования носит комплексный характер. Диалектика стала главным методологическим инструментом, позволившим определить наиболее существенные противоречия между потребностями правоприменительной практики и ее же реальными возможностями, закрепленными в действующем оперативно-розыскном и уголовно-процессуальном законодательстве. Основным результатом применения диалектического метода стало формулирование проблемной ситуации, требующей своего разрешения.

В силу основной направленности исследования базовым методом стал сравнительно-правовой анализ законодательных актов двух государств – Российской Федерации и Республики Таджикистан. В результате проведенной аналитической работы выявлены особенности в законодательном регулировании оснований и порядка проведения следственных действий (допроса) в отношении оперативных работников и лиц, сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе.

Путем логических операций выдвинуты ряд гипотез, сформулированы авторские умозаключения относительно сущности, значимости для науки и правоприменительной практики проблемы допроса оперативных работников и иных лиц.

Системный и структурный методы позволили выявить и описать совокупность элементов уголовно-процессуального и оперативно-розыскного регулирования допроса оперативного сотрудника и лиц, сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе, выявить характер их взаимодействия, определить расположение этих элементов системе.

Благодаря функциональному методу выявлены функции одних элементов законодательного регулирования допроса оперативных сотрудников и иных лиц по отношению к другим, выделить в этой совокупности элементы с наибольшей и наименьшей функциональной нагрузкой.

Эмпирическая часть исследования основана на методе системного анализа и обобщения полученных результатов.

Результаты исследования

Сравнительный анализ российского и таджикского уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства в части определения возможности, оснований и порядка производства допроса и иных процессуальных действий, в отношении сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц, сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе, демонстрируют два разных подхода. Полагаем, что оба имеют свои «плюсы» и «минусы».

Однако, проведенное сравнение убеждает, во-первых, в том, что имеющаяся проблема производства допроса указанных лиц в российском уголовном судопроизводстве не менее актуальна и для других государств, и, во-вторых, наличие в законодательстве Республики Таджикистан указания на то, что оперативные сотрудники могут допрашиваться мы оцениваем положительно и считаем рациональным шагом в комплексе мер по решению сформулированной проблемы.

Научная дискуссия

Допрос традиционно определяется в литературе как самое распространенное и универсальное по своим методам и получаемой информации следственное действие [3, с. 47]. Сущность допроса заключается в получении уполномоченным должностным лицом от допрашиваемого лица показаний, имеющих значение для уголовного дела. При наличии общих правил допрос различных лиц несет на себе определенные особенности, продиктованные спецификой их процессуального положения, с учетом которого принято выделять наряду с другими такую разновидность как допрос свидетеля.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), а также закон «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – закон об ОРД РФ) прямо не предусматривают возможность допроса оперативного сотрудника в качестве свидетеля. Поэтому допрос такого рода становится проблематичным, с позиции его легитимности, как и оценка законности решения суда, основанного на полученных таким способом доказательствах [7, с. 172].

Как считает И.В. Смолькова, практика широкого допроса оперативных сотрудников не согласуется «с тем, что оперативно-розыскные мероприятия проводятся негласно и в большей части относятся к государственной тайне» [8, с. 106].

Вместе с тем, посредством допроса оперативного сотрудника могут быть процессуальным путем проверены представленные сведения оперативного характера, которые стали ему известны в результате их личного, непосредственного восприятия. Эти сведения обычно получают в ходе проверочной закупки (оружия, наркотических средств или иных предметов, веществ, свободная реализация которых запрещена либо их оборот ограничен), в ходе наблюдения за действиями заподозренных в совершении преступления лиц, при оперативном внедрении в преступные группировки, оперативном эксперименте и др.

Безусловная ценность такого рода информации не вызывает сомнения.

В то же время есть постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г., в котором рекомендует судам признавать недопустимым доказательством показания оперативных сотрудников, если эти показания направлены на преодоление недопустимости полученных ранее доказательств³.

В этой части судебной практике пока не хватает единообразия, что приводит к постановлению ошибочных решений.

Проиллюстрируем это двумя примерами из практики.

В первом случае допрос М. проведен в отсутствии адвоката и без предупреждения о том, что признание о наличии у него статуса «вор в законе» может быть использовано в качестве доказательства. Попытка преодолеть данное нарушение допросом оперативного сотрудника была

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. С. 3349.

³ О судебном приговоре: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Российская газета. 2016. 7 декабря.

пресечена судом, обоснованно признавшим протокол такого допроса недопустимым доказательством¹.

Однако, есть и иного рода решения, когда допрос оперативного сотрудника был признан судом первой инстанции недопустимым доказательством, но с этим решением не согласилась апелляционная инстанция, указав в своем определении, что допрос «был связан не с восполнением каких-либо недостатков следствия, а для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела, в частности, по факту нахождения и изъятия у Д., отбывающего лишение свободы, телефона, с помощью которого он совершил инкриминируемые действия»².

Оценочные характеристики такого допроса и отсутствие законодательных установок в этой части усложняют правоприменение, создают серьезные риски для законности уголовного судопроизводства.

Дополнительным, но не второстепенным фактором выступает формулировка ч. 3 ст. 56 УПК РФ, согласно которой оперативные сотрудники не входят в перечень лиц, которые не могут допрашиваться в качестве свидетелей. В то же время, если оперативный сотрудник является лицом, внедренным в организованную преступную группу, либо штатным негласным сотрудником соответствующего органа, то согласно ч. 2 ст. 12 закон об ОРД РФ он может быть допрошен в качестве свидетеля лишь при предоставлении письменного согласия на predание гласности сведений о себе, и в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Данная формулировка ставит сразу два вопроса: почему только внедренный в организованную преступную группу агент наделяется соответствующей преференцией и каков порядок представления письменного согласия, а также его последующего исследования судом?

Авторы одного из комментариев к закону об ОРД РФ разделяют эту озабоченность и утверждают, что сведения о лицах, внедренных в иные преступные группы или к отдельным лицам, не могут рассекречиваться «в ином порядке, чем информация о лицах, внедренных в ОПГ» [3, с. 90]³. Мы согласны с данной позицией, но полагаем, что здесь необходимо более точное законодательное регулирование, как и в части определения порядка представления такого согласия. Одним из возможных вариантов, который можно было бы порекомендовать, – это то, что письменное согласие на predание гласности таких сведений должен утверждать руководитель службы, осуществляющей оперативно-розыскную деятельность.

И в рамках этого предложения, полагаем, становятся уместными условия допроса лиц, содействующих оперативным сотрудникам, сформулированные в литературе:

1) отказ от использования лица в качестве агента после дачи последним показаний, поскольку высока вероятность быть узнанным со стороны лиц, входящих в преступную организацию и оставшихся на свободе, а также потенциальных последователей привлекаемого к уголовной ответственности лица;

2) обеспечение безопасности агента [2, с. 55].

Названные условия допроса лиц, содействующих оперативным сотрудникам, можно рассматривать как обязательные при принятии решения руководителем соответствующей службы об утверждении согласия конфиденнта на его допрос.

Думается, что к допросу свидетелей из числа оперативных сотрудников и лиц, содействующих им, следует прибегать лишь в случаях крайней необходимости, когда исчерпаны традиционные средства доказывания, поскольку это может привести к раскрытию форм и методов оперативно-розыскной деятельности, ее сил и средств. В подобной ситуации есть основание для утверждения о том, что, как и всякий иной участник уголовного судопроизводства, свидетель из числа оперативных сотрудников наделен совокупностью прав и обязанностей: явиться на допрос с адвокатом (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), не свидетельствовать против себя и близких родственников (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), быть подвергнутым приводу в случае уклонения от явки по вызову без уважительных причин (п. 1 ч. 6 и ч. 7 ст. 56 УПК РФ) и др.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 20-УД22-6А3 / Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.02.2017 № 36-АПУ17-5 / Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин. М.: Деловой двор, 2008. С. 90.

М. Поляков и Р. Рыжов считают необходимым законодательно закрепить возможность допроса оперативного сотрудника вместо конфиденнта в случаях, связанных с необходимостью обеспечения безопасности лиц, предоставивших информацию органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность. Гарантеей же достоверности этой информации должно быть предупреждение оперативного работника об ответственности за фальсификацию доказательств (ст. 303 УК РФ) [4, с. 89–90].

По оценке Ю.В. Астафьева и Н.В. Изотовой, допрос оперативного сотрудника вместо очевидцев (конфиденнтов), «является самым эффективным для решения задач уголовного процесса без ущерба для охраняемых законом интересов» [1, с. 203].

Тем не менее, в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ указывается, что показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, относятся к недопустимым доказательствам. Полагаем, что эти требования уголовно-процессуального закона должны оставаться неизменными, поскольку в противном случае теряется связь с источником информации. Следует также иметь в виду, что по общему правилу, не могут быть предметом допроса сведения о средствах и методах оперативно-розыскной деятельности, которые по закону об ОРД составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Однако нельзя полностью исключать возможность их рассекречивания в ходе допроса.

Представляется, что в ситуации, когда следователь, а затем и суд ставит оперативного сотрудника перед необходимостью раскрытия оперативно-розыскных средств и методов получения сведений, объектов доказательственного значения, тот должен обладать правом отказаться от дачи показаний в соответствии с принципом конспирации. В этом случае нельзя вести речь об уголовно-правовых последствиях такого отказа, поскольку он связан с законным основанием недопустимости разглашения государственной тайны.

В связи с этим заслуживает внимания позиция В.Т. Томина, который рекомендовал законодателю ввести в уголовное судопроизводство институт служебной тайны, устанавливающий особый порядок сообщения следствию и суду специальной информации или вовсе освобождающий соответствующее лицо от обязанности ее сообщить [10, с. 11].

Законодательство Республики Таджикистан иным образом подходит к определению допроса оперативного сотрудника.

Согласно ч. 5 ст. 11 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – закон об ОРД РТ), «в случае использования в уголовных делах результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, могут подлежать допросу об их подлинности, происхождении и обстоятельствах их получения. При этом лица, внедренные в преступную среду, и штатные негласные сотрудники могут быть допрошены только с их согласия в письменной форме, за исключением случаев совершения ими преступления». Отметим, что указанная формулировка повторяет, по сути, редакцию ч. 4 ст. 11 Модельного закона государств-участников СНГ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 16 ноября 2006 г.²

Из приведенных положений следует, что в отличие от Российской Федерации в Республике Таджикистан прямо предусматривается возможность допроса должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, но при соблюдении нескольких условий: 1) при использовании в уголовных делах результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств; 2) когда предмет допроса – это установление подлинности результатов оперативно-розыскной деятельности, проверка их происхождения и обстоятельств получения; 3) установлении запрета для допроса лиц, внедренных в преступную среду, и штатных негласных сотрудников, если отсутствует их согласия в письменной форме, либо когда речь не идет о совершении ими преступления.

Но здесь возникает ряд вопросов.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Таджикистан от 25.03.2011 № 687 (с изм. и доп. по сост. на 18.07.2017) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 155.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Модельный закон (принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление от 16.11.2006 № 27-6)) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 2007. № 39. Ч. 1.

1. Почему допрос оперативного сотрудника возможен лишь для установления возможности и допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств?

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств хотя и главное, но все же не единственное уголовно-процессуальное направление использования таких результатов. Для этого достаточно обратиться к содержанию ч. 1 и 2 ст. 11 закона об ОРД РТ, где указаны и другие уголовно-процессуальные направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности: 1) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; 2) розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суд; 3) как основание для возбуждения уголовного дела, хотя согласно ч. 2 ст. 11 закона об ОРД РФ эти результаты используются не только в качестве основания, но и повода к возбуждению уголовного дела.

Если, например, результаты оперативно-розыскной деятельности послужили основанием для производства следственного действия, то вполне допустима ситуация, когда путем допроса оперативного сотрудника, получившего такие сведения, возникает необходимость проверить их законность, поскольку незаконность основания проведения следственного действия неизбежно приводит и к признанию незаконности полученного доказательства.

2. Чем обусловлено ограничение предмет допроса установлением только подлинности результатов оперативно-розыскной деятельности, проверки их происхождения и обстоятельств получения?

Думается, что предмет допроса оперативного сотрудника может быть шире заявленного в законе об ОРД РТ и охватывать своим содержанием обстоятельства, которые относятся к установлению личности подозреваемого или обвиняемого, его местонахождении и иные сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Что касается продекларированного установления подлинности результатов оперативно-розыскной деятельности, то уточним, что термин «подлинность» в одном из своих значений истолковывается как синоним и близкий по смыслу термину «достоверность», который в законе об ОРД РТ не упоминается вовсе.

Вместе с тем, содержанием категории «достоверность» является убежденность субъекта оперативно-розыскной деятельности в том, что представляемые им сведения действительно относятся к событию с признаками преступления [5, с. 116], а те документы, в которых зафиксированы результаты этой деятельности, отвечают требованию их подлинности, т. е. подтверждают достоверность происхождения, когда их содержимое не было изменено или подменено в процессе создания, передачи или хранения.

Но обычно подлинность происхождения результатов оперативно-розыскной деятельности определяется экспертным путем, а не в ходе допроса оперативного сотрудника, тем более о сведениях, ставших ему известными в ходе оперативно-розыскных мероприятий, и содержащих порой пояснения участников, которые доказательствами по делу быть не могут.

3. Каким процессуальным статусом наделяется допрашиваемый оперативный сотрудник?

На практике оперативный сотрудник допрашивается в качестве свидетеля, хотя его правовое положение не совсем соответствует этому статусу, определенному в ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан¹ (далее – УПК РТ), как лица, которому должны быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела.

Из этих предписаний закона, регламентирующих статус свидетеля, следует, что свидетель-оперативный сотрудник обязан дать показания об обстоятельствах проведения того или иного оперативно-розыскного мероприятия, имеющих значение для расследуемого уголовного дела.

Когда в ходе допроса оперативного сотрудника устанавливаются факты злоупотребления полномочиями, либо непрофессионализма, то следствием этого могут быть не только допущенные им ошибки (действия непреднамеренного характера), но и нарушения требований закона, вызывающие необходимость дать этому обстоятельству правовую оценку.

В базовом законе, предназначенном для регулирования оперативно-розыскных правоотношений в Республике Таджикистан – «Об оперативно-розыскной деятельности», имеются прямые упоминания о возможных нарушениях при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Назовем основные из них:

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3.12.2009 № 564 (с изм. и доп. по сост. на 3.01.2024) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.

1) когда речь идет об установленной ответственности за нарушения требований закона сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ч. 9 ст. 5 и ст. 23 закона об ОРД РТ);

2) если допущено нарушение прав и законных интересов физических и юридических лиц органом (должностным лицом), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, то прокурор либо суд (судья) обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов и (или) возмещению причиненного вреда (ч. 8 ст. 5 закона об ОРД РТ);

3) в случае поступления уполномоченному прокурору материалов, информации и обращений граждан о нарушении закона, ему по запросу представляются оперативно-служебные документы, послужившие основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ч. 2 ст. 21 закона об ОРД РТ).

К числу наиболее типичных нарушений закона, допускаемых оперативными сотрудниками при получении и предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности для их использования в уголовном судопроизводстве, относятся: 1) провокация, т. е. действия, не совместимые с оперативно-розыскной деятельностью, заключающиеся в подстрекательстве, склонении или побуждении в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (п. 4 ч. 7 ст. 5 закона об ОРД РТ); 2) необоснованное ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 2 ст. 8 закона об ОРД РТ); 3) фальсификация (поделка или подмена вещественных доказательств, документов и др. искусственным, ложным, мнимым) получаемых результатов оперативно-розыскной деятельности вопреки прямому запрету, содержащемуся в п. 5 ч. 7 ст. 5 закона об ОРД РТ.

При установлении фактов нарушения закона в оперативно-розыскной деятельности необходимо давать этому правовую оценку, начиная с признания в установленном порядке материалов, содержащих сведения об оперативно-розыском мероприятии, недопустимыми доказательствами, и заканчивая привлечением к уголовной ответственности.

Важно отметить, что в Республике Таджикистан к уголовной ответственности за нарушение закона в оперативно-розыскной деятельности могут быть привлечены несколько категорий лиц: 1) должностные лица, непосредственно осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (руководители и оперативники) (ст. ст. 137–140, 283, 285, 286 и 311 УК РТ); 2) судьи (в связи с нарушением правил санкционирования оперативно-розыскных мероприятий), прокуроры и следователи (ст. 285 и ст. 286 УК РТ); 3) агенты, в частности, за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РТ); 4) иные лица, оказывающие содействие в осуществлении оперативно-розыскной деятельности (специалисты, операторы связи, переводчики и др. (ст. 304 УК РТ); 5) физические лица, которые нарушают запрет на использование специальных и иных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ч. 3 ст. 138 УК РТ)¹.

Сам факт привлечения к уголовной ответственности за нарушения закона в оперативно-розыскной деятельности влечет за собой наделение оперативника процессуальным статусом уже не свидетеля, а подозреваемого по основаниям, предусмотренным УПК РТ, с его правом отказаться от дачи показаний и даже давать ложные показания, не неся ответственности за это в рамках действия конституционного принципа презумпции невиновности.

4. Каков порядок допроса лиц, внедренных в преступную среду и штатных негласных сотрудников, а также производства с их участием иных следственных и процессуальных действий, при отсутствии процедуры засекречивания уголовных дел?

Как известно, уголовно-процессуальный закон не предусматривает специальных правил не только допроса оперативных сотрудников, но и агентов, негласных сотрудников, других лиц, осуществляют свою деятельность на конфиденциальной основе, при всей очевидности необходимости соблюдения режима секретности. Между тем в Российской Федерации не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию сведения: о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина; о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами (ст. 7 Закона «О государственной тайне»²). В Республике Таджикистан в числе сведений, не подлежащих засекречиванию указаны аналогичные: о фактах нарушения прав и

¹ Косимов Ф.М., Самиев Н.М. Словарь специальных понятий и терминов, используемых в оперативно-розыскной деятельности / под ред. к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. Душанбе: ЭР-граф; 2018. С. 98.

² О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 4.08.2023) // Российская газета. 1993. 21 сентября.

свобод гражданина; о фактах нарушения законности государственными органами, организациями и их должностными лицами (ст. 21 Закона Республики Таджикистан «О государственных секретах»¹).

Тем самым на законодательном уровне подчеркивается необходимость применения осознанного и ответственного подхода к проблеме засекречивания материалов оперативно-розыскной деятельности. Если же необходимо соблюдение режима секретности, то протоколы допросов, производства других следственных и процессуальных действий с участием оперативных сотрудников, агентов, негласных сотрудников, иные материалы уголовного дела должны иметь гриф секретности на основании соответствующего решения.

Что характерно, действующий уголовно-процессуальный закон не содержит процедуры засекречивания уголовных дел. В отдельных случаях лишь упоминается об уголовных делах, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну. Например, согласно УПК РТ обеспечивается тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых и телеграфных сообщений, личная и семейная тайна (ст. 14), производство обыска и выемки документов, содержащих государственную тайну, должно быть санкционировано судом, судьей (ч. 2 ст. 192), выписки и копии документов из дела, в котором содержатся сведения, составляющие государственную тайну, хранятся при деле и вручаются обвиняемому и его защитнику во время судебного разбирательства (ч. 2 ст. 241), уголовные дела, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, подсудны Верховному Суду Республики Таджикистан (ст. 253).

По утверждению А.В. Сучкова, на практике «во всех случаях "засекречивание" уголовных дел происходит в стадии предварительного расследования, а не при рассмотрении дела в суде...». По поводу же отсутствия процедуры засекречивания уголовных дел А.В. Сучков отмечает, что «способы защиты государственной тайны в уголовном судопроизводстве должны устанавливаться законодателем и носить уголовно-процессуальный характер», а их отсутствие влечет невозможность засекречивания всего уголовного дела и поэтому «принятие решения о засекречивании возможно только в отношении конкретных документов, содержащихся в уголовном деле (с соблюдением... принципов законности, обоснованности, а также правила соразмерности ограничения прав участников процесса)» [9, с. 301, 306].

Мы не разделяем позицию А.В. Сучкова относительно невозможности засекречивания всего уголовного дела и считаем, что режим секретности может присваиваться как в целом всему производству по делу, так и определенным его компонентам (материалам), которые не являются общеизвестными и легко доступными, в силу чего требуется принятия мер к сохранению их секретности со стороны лица, правомерно контролирующего эту информацию.

Список использованной литературы:

1. Астафьев Ю.В., Изотова Н.В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия / в кн.: Университетский человек: памяти Юрия Васильевича Астафьева / под ред. А.Ю. Астафьева. Воронеж: Изд. дом ВГУ; 2018.
2. Казакова А.В. Использование в качестве доказательств показаний агентов, внедренных в террористические организации. *Судебная власть и уголовный процесс: научно-практический журнал*. 2018;(2):53–57.
3. Мисник И.В. Особенности некоторых видов допросов в российском уголовном судопроизводстве. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2018;(2):44–47.
4. Поляков М., Рыжов Р. О модели правового института использования результатов ОРД в уголовном процессе. *Уголовное право*. 2005;(1):88–90.
5. Ревизская Ю.А. Достоверность и объективность результатов оперативно-розыскной деятельности. *Ученые записки Крымского федерального*

References:

1. Astafyev Yu.V., Izotova N.V. [Proving and operational investigative activities: problems of correlation and interaction] / in the book: University man: in memory of Yuri Vasilyevich Astafyev / edited by A.Yu. Astafyev. Voronezh: Publishing House of the VSU; 2018. (In Russ.)]
2. Kazakova A.V. [Using the testimony of agents embedded in terrorist organizations as evidence]. *Judicial power and criminal procedure: a scientific and practical journal*. 2018;(2):53–57. (In Russ.)]
3. Misnik I.V. [Features of some types of interrogations in Russian criminal proceedings]. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2018;(2):44–47. (In Russ.)]
4. Polyakov M., Ryzhov R. [On the model of the legal institution of using the results of the ORDO in criminal proceedings]. *Criminal law*. 2005;(1):88–90. (In Russ.)]
5. Revisskaya Yu.A. [Reliability and objectivity of the results of operational investigative activities]. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University*.

¹ О государственных секретах: Закон Республики Таджикистан от 26.07.2014 № 1095 (ред. от 2.01.2020) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2014. № 7 (часть 1) Ст. 392.

университета имени В.И. Вернадского. *Юридические науки*. 2016;(3):114–120.

6. Семенцов В.А. Правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ; 2020.

7. Семенцов В.А., Дзабиев У.К. Уголовно-процессуальные направления использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве: монография. М.: Юрлитинформ; 2024.

8. Смолькова И.В. Допрос оперативных сотрудников в суде и его доказательственное значение. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2013;(1):104–113.

9. Сучков А.В. О засекречивании уголовных дел. *Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных статей. Вып. 2 / под ред. В.А. Лазаревой*. Самара: Самарский государственный университет; 2007.

10. Томин В.Т. Острые углы доктринального обеспечения радикальной реформы уголовного судопроизводства. *Цели и средства в уголовном судопроизводстве: сборник научных трудов*. Н. Новгород: Нижегородской ВШ МВД СССР; 1991.

Legal sciences. 2016;(3):114–120. (In Russ.)]

6. Sementsov V.A. [The legal basis for the use of the results of operational investigative activities in the pre-trial stages of criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform; 2020. (In Russ.)]

7. Sementsov V.A., Dzabiev U.K. [Criminal procedural directions of using the results of operational investigative measures in pre-trial proceedings]. Moscow: Yurlitinform; 2024. (In Russ.)]

8. Smolkova I.V. [Interrogation of operational staff in court and its evidentiary value]. *Siberian criminal procedure and criminalistic readings*. 2013;(1):104–113. (In Russ.)]

9. Suchkov A.V. [On the classification of criminal cases]. *Actual problems of the modern criminal process in Russia: interuniversity collection of scientific articles. Issue 2 / edited by V.A. Lazareva*. Samara: Samara State University; 2007. (In Russ.)]

10. Tomin V.T. [The sharp corners of the doctrinal provision of radical reform of criminal justice]. *Goals and means in criminal proceedings: collection of scientific papers*. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1991. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, honored lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"